

Если берете толстую кожуру, верхнюю ее часть следует аккуратно срезать, не то на поверхности образуется пена, которая испортит внешний вид.

*Из книги «Изготовление мармелада»
миссис Битон**

* Изабелла Битон (1836–1865) — автор знаменитого бестселлера Викторианской эпохи «Об управлении домашним хозяйством». — *Примеч. пер.*

На свете есть не только апельсины.

*Нелл Гвин**

* Нелл Гвин (1650–1687) — английская актриса театра Друри-Лейн, фаворитка Карла II. В начале своей карьеры работала в театре разносчицей апельсинов, за что была прозвана «апельсиновой девушкой». — *Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.*

Книга Бытия

Как и большинство людей, я долгое время жила с отцом и матерью. Отец любил смотреть борьбу, а мама любила бороться — неважно за что. Она была на стороне добра, и этим все сказано.

Она вывешивала самые большие простыни по самым ветреным дням. Она прямо-таки *хотела*, чтобы в дверь постучались мормоны. В пору выборов в лейбористском рабочем городке она выставила в окне фотографию кандидата-консерватора. Она никогда не испытывала смешанных чувств. В ее мире существовали только друзья и враги.

Врагами были:

дьявол (во множестве его проявлений)

Те, Кто По Соседству

секс (во множестве его проявлений)

слизни.

Дженет Уинтерсон

В друзьях числились:
Бог
наша собака
тетя Мэдж
романы Шарлотты Бронте
средство от слизней

и я. Поначалу.

Она взяла меня, чтобы я стала на ее сторону против Остального Мира. Ее отношение к деторождению представляется мне загадкой: не в том дело, что она не смогла бы зачать дитя, а в том, что она, вероятно, не хотела этого делать. Она горько обижалась на Деву Марию за то, что та провернула непорочное зачатие первой. А потому мама нашла лазейку и обзавелась подкидышем. Мной.

С самого начала мне дали понять, что я особенная. Волхвов и мудрецов у нас не было, потому что мама в них не верила, зато были овцы. Одно из первых моих воспоминаний: в Пасхальное воскресенье я сижу на овце, а мама рассказывает мне историю про жертвенного агнца. К слову, по воскресеньям мы ели ягненка с картошкой.

Воскресенье было Господним днем — самым важным за всю неделю. Дома у нас стоял радиоприемник с внушительной передней панелью красного дерева и круглой бакелитовой ручкой, которую надо было крутить, чтобы поймать нужную станцию. Обычно мы слушали «Программу света», но по воскресеньям

это всегда была «Всемирная служба» — по ней мама отмечала успехи миссионеров. Наша миссионерская карта была очень подробной. На лицевой стороне изображались разными цветами страны, а на обороте имелся пронумерованный список, в котором перечислялись народы и их особенности. Моим любимым был номер 16 — карпатские гуцулы. Они верили, что, если мышь найдет твои остриженные волосы и совет из них гнездо, у тебя случится головная боль. А если гнездо будет большое, ты сойдешь с ума. Насколько мне известно, пока у них не побывал ни один миссионер.

По воскресеньям мама вставала рано и до десяти часов никого не пускала в гостиную. Это было ее место молитвы и медитации. Она всегда молилась стоя — из-за болей в коленях, совсем как Бонапарт, который отдавал приказы сидя в седле из-за своего роста. Думаю, отношения мамы с Господом во многом определялись физическим положением тела. Она была до мозга костей приверженкой Ветхого Завета. Не для нее кроткие и пасхальный агнец, нет: она стояла на передовой, плечом к плечу с пророками, — склонная угрюмо удаляться в кущи, когда на головы провинившихся не обрушивались предназначенные им кары. Впрочем, обрушивались те довольно часто, — не могу сказать, по ее воле или по воле Господа.

Молилась она всегда по заведенному порядку: сначала благодарила Бога, что дожила до нового

дня, потом благодарила Бога, что даровал новый день миру, затем говорила о своих врагах — самое близкое, что у нее имелось к катехизису.

Едва из-за стены раздавалось громогласное «Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь», я ставила чайник. К тому времени, когда закипала вода и я заваривала чай, у мамы подходил к концу последний пункт программы: перечень недужных. Мама всегда отличалась большим постоянством.

Я доливала в чашку молока, она входила на кухню и, сделав большой глоток чаю, произносила одно из трех:

— Господь милосерд (*стальной взгляд на задний двор*).

— Что это за чай? (*стальной взгляд на меня*.)

— Кто самый старый человек в Библии?

Конечно, в третьем пункте бывали самые разные варианты, но неизменно — блиц-опрос на знание Библии. В церкви у нас часто устраивали блиц-опросы, и мама любила, чтобы я побеждала. Если я знала ответ, она задавала следующий, а если нет, раздражалась, но, к счастью, ненадолго, потому что наступало время слушать «Всемирную службу». Происходило все всегда одинаково: мы садились по обе стороны радиоприемника — она с чашкой чаю, я с карандашом и блокнотом, перед нами лежала миссионерская карта. Далекий голос из ящика сообщал о проведенных мероприятиях, о новообращенных, о воз-

никших проблемах. В конце следовал призыв: «Помолимся за...» От меня требовалось все записывать, чтобы мама могла вечером сообщить эту информацию на собрании. Она была секретарем по миссионерской деятельности. Миссионерский доклад был для меня великим испытанием, поскольку от него зависел мой обед. Если все шло хорошо — никаких смертей и уйма новообращенных, — мама варила мясо. Если безбожники оказывались не только упрямы, но и склонны к насилию, остаток утра мама проводила слушая «Благочестивую подборку» Джима Ривза, а после приходилось довольствоваться вареными яйцами и поджаренным хлебом. Папа был человек покладистый, и все же я знала, что от яиц с тостами он впадает в уныние. Он и сам мог бы приготовить еду, если бы не твердая уверенность мамы, что она единственный человек в нашем доме, способный отличить сковородку от пианино. На наш с папой взгляд, она ошибалась, на ее — была совершенно права, и только свое мнение она и принимала в расчет.

Так или иначе, нам удавалось преодолеть утро, и после полудня мы с ней выводили гулять собаку, а папа чистил всю обувь.

— Человека встречают по обуви, — говорила мама. — Посмотри на Тех, Кто По Соседству.

— Спиртное, — мрачно говорила мама, когда мы проходили мимо их дома. — Вот почему они покупают все по «Каталогу второго сорта» Макси

Болла. Сам дьявол пьяница! — Иногда мама изобретала собственные теологические догмы.

Макси Болл владел универмагом. Одежда там была недорогая, однако хватало ее ненадолго и пахло от нее промышленным клеем. Отчаявшиеся, легкомысленные и самые бедные сражались по утрам в субботу, чтобы что-нибудь урвать, и бешено торговались. Моя мама скорее согласилась бы голодать, чем быть замеченной у Макси Болла. Она внушила мне ужас пред этим местом. Это было довольно несправедливо с ее стороны, поскольку туда ходило много наших знакомых, но справедливостью она не отличалась: мама либо любила, либо ненавидела, — а Макси Болла она ненавидела. Как-то зимой она была вынуждена пойти в универмаг, чтобы купить корсет, и в то же самое воскресенье посреди литургии одна косточка вылезла и врезалась ей прямо в живот. Мама целый час ничего не могла поделать. Когда мы вернулись домой, она разорвала корсет, а косточки использовала как подпорки для герани, кроме одной, которую подарила мне. Косточка до сих пор у меня, и всякий раз, испытывая искушение извернуться и обойти правила, я вспоминаю эту косточку и понимаю, как неправа.

Мы с мамой шли все дальше к холму в конце нашей улицы. Городок лежал в узкой долинке, стиснутый возвышенностями, полный труб, лавочек и жмущихся друг к другу домов без садов или

палисадников. Холм плавно переходил в Пеннинские горы, покрытые редкими вкраплениями ферм. Мощенные булыжником улицы с выложенными плиткой тротуарами карабкались все выше и выше на склоны, а после просто обрывались. С вершины холма было видно на много миль кругом — совсем как Иисусу с возвышенности — вот только смотреть особо не на что. Справа виден виадук, а за ним квартал многоквартирных домов Эллисона, где раз в год на площади устраивали ярмарку. Мне разрешали туда ходить при условии, что я принесу маме упаковку черного гороха. Черный горох выглядел как кроличьи погадки, и продавали его в жидкой подливке из бульона и пряной кукурузной кашицы. Вкус просто чудесный. Цыгане устраивали суший бедлам и веселились ночи напролет, мама называла их блудодеями, но в целом мы отлично ладили. Они делали вид, будто не замечают пропавшие яблоки в карамели, а иногда, если народу мало и у тебя нет денег, все равно пускали покататься на аттракционах с электрическими автомобилями. Как-то у кибиток завязалась драка: ребята с улицы, вроде меня, против задавак с Бульвара. Задаваки ходили в кафе «Брауниз» и не оставались на школьные обеды.

Однажды, когда я уже собиралась идти домой и забирала черный горох, одна старуха взяла меня за руку. Я думала, она меня укусит. Глянув на мою ладонь, она хохотнула.

— Ты никогда не выйдешь замуж, — сказала она. — Только не ты. И ты никогда не остепенишься.

Она не взяла денег за горох и велела быстрее бежать домой. Я бежала со всех ног и по пути старалась понять, о чем она говорила. Я в любом случае не собиралась выходить замуж. Я знала двух женщин, у которых вообще не было мужей, но они были старые — почти как моя мама. Они держали газетный киоск и иногда, когда я по средам приходила за моим комиксом, давали мне банановый батончик. Они мне очень нравились, и я много рассказывала о них маме. Однажды они спросили, не хочу ли я поехать с ними на море. Я побежала домой, сообщила новость и как раз деловито опустошала копилку, чтобы купить новую лопатку для песка, когда мама раз и навсегда твердо сказала «нет». Я не могла понять почему, а она не объяснила. Она даже не позволила мне вернуться, чтобы сказать, что я не смогу. А потом отменила мою подписку на комикс и велела ходить за ним в другой, дальний киоск. Я расстроилась — у Гримсби мне никогда не давали банановых батончиков. Несколько недель спустя я услышала, как мама рассказывает про случившееся миссис Уайт. Она сказала, что те женщины предаются «противоестественным страстям». По моему разумению, это означало, что они сдабривают химикатами свои угощения.

Мы с мамой поднимались выше и выше, пока город не остался позади и мы не вышли к мемориальному камню на самой вершине. Тут всегда дуло, поэтому маме приходилось втыкать еще несколько булавок в шляпку. Обычно она повязывала на голову платок, но только не по воскресеньям — по воскресеньям она надевала шляпку. Мы садились у камня, и она благодарила Господа, что нам удалось подняться. Потом она долго рассуждала о том, как устроен мир, как неразумны люди, населяющие его, и о неотвратимости кары Господней. А потом рассказывала мне историю про какого-нибудь храброго смельчака, который отверг радости плоти и трудился на благо Господа...

Была история про «обращенную овцу», склонного к пьянству и пороку грязного дегенерата, который внезапно обрел Бога, прочищая дымоход. Он впал в молитвенный экстаз и так долго не вылезал из дымохода, что друзья испугались, как бы он не потерял сознание. С немалым трудом они уговорили его оттуда вылезти. Когда он появился, лицо его, едва видимое под слоем сажи, сияло как у ангела. После этого случая его попросили вести занятия в воскресной школе, а некоторое время спустя он умер и, конечно же, прямым ходом отправился в рай.

Были другие истории. Мне больше всего нравилась про Великана Аллилуйя — уroda от рождения: будучи восьми футов ростом, он съежился до шести футов и трех дюймов благодаря молитвам благочестивой паствы.